

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.98(470)(091)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-157-166>

Историко-правовой подход к периодизации российского терроризма

© А.В. Шободоева

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация: Тщательная научная проработка любого явления требует обращения к его историческим корням, оценке специфики государственного устройства, политической идеологии, конкретной ситуации в определенный период времени. Проблема, связанная с исследованием разнообразных аспектов террора, терроризма, антитеррористической деятельности является сегодня крайне актуальной для представителей практически всех отраслей знаний. И, к сожалению, это разнообразие подходов усложняет выработку понятийного аппарата, в частности, самих основных категорий «террор», «терроризм», «террористический акт». Отсюда и противоречивость в вопросах их исторической периодизации, связанная, в первую очередь, с определением начальной хронологической точки как террора, так и терроризма, усугубляемая примерами свободного использования, в том числе и историками, понятий «террористический акт» и «политическое убийство». Однозначно «разводя» понятия «террор» и «терроризм», автор, с позиций не уголовно-правового, а историко-правового подхода предлагает свою мотивацию выделения ряда периодов в истории российского терроризма, представляя при этом анализ исторической литературы, посвященной рассматриваемым вопросам. Для более четкого уяснения взглядов автора демонстрируются существенные характеристики категорий «террор» и «терроризм», но основывающиеся исключительно на отечественном историческом материале.

Ключевые слова: террор, терроризм, политическое убийство, династическое убийство, террористический акт, периодизация истории российского терроризма, исторический подход, противодействие терроризму, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных

Информация о статье: Дата поступления 8 декабря 2018 г.; дата принятия к печати 14 января 2019 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Шободоева А.В. Историко-правовой подход к периодизации российского терроризма. Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 157–166. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-157-166.

Historical and legal approach to the periodization of Russian terrorism

© Anna V. Shobodoeva

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: Careful scientific study of any phenomenon requires addressing its historical roots, assessing the specifics of the state structure, political ideology, the specific situation in a certain period of time. The problem associated with the study of various aspects of terrorism, terrorism, anti-terrorist activities is now extremely relevant for representatives of almost all branches of knowledge. And, unfortunately, this diversity of approaches complicates the development of the conceptual apparatus, in particular, the main categories of “terror”, “terrorism”, “terrorist act”. Hence the inconsistency in the issues of their historical periodization, connected, first of all, with the definition of the initial chronological point of both terror and terrorism, aggravated by examples of free use, including historians, of the concepts of “terrorist act” and “political murder”. Clearly “divorcing” the concept of “terror” and “terrorism”, the author, from the standpoint of not criminal law, but historical and legal approach offers its motivation to highlight a number of periods in the history of Russian terrorism, presenting, at the same time, the analysis of historical literature on the issues under consideration. For a clearer understanding of the author's views, the essential characteristics of the categories of “terror” and “terrorism” are demonstrated, but based solely on domestic historical material.

Keywords: terror, terrorism, political murder, dynastic murder, terrorist act, periodization of the history of Russian terrorism, historical approach, counter-terrorism, the Code of criminal and correctional penalties

Article info: Received December 8, 2018; accepted for publication January 14, 2019; available online March 28, 2019.

For citation: Shobodoeva A.V. Historical and legal approach to the periodization of Russian terrorism. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 157–166. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-157-166.

Сложно не согласиться с высказыванием, утверждающим, что действительный замысел настоящего и смысл будущего невозможно понять, не зная прошлого. Плодотворное научное постижение любого явления, тем более такого распространенного и тяжелейшего по своим последствиям, как терроризм, требует досконального изучения истории проблемы. Мы абсолютно уверены, что существует прямая зависимость: чем выше уровень опасности для социума определенного феномена (в нашем случае, терроризма), тем интенсивнее должен быть процесс осмысления, например, первопричин его появления, или видоизменений системы противодействия.

Свое исследование мы «построим» исключительно на отечественном материале. Считаю необходимым заметить, что выяснение исторических основ террора и терроризма вряд ли возможно без знакомства с накопленным другими науками (в том числе и правовыми) теоретическим багажом. Полагаем, что рассматриваемая проблема – комплексная, «стыковочная», и именно комплексный подход должен стать ведущим при изучении основных тенденции терроризма вообще и его исторических оснований, в частности. Противодействие терроризму тесно связано с историей нашей страны, и, как верно отмечал Ю.С. Горбунов, на всем ее протяжении в качестве главного инструмента этой борьбы использовалась правовая квалификация террористической деятельности именно как уголовно наказуемых деяний. (Горбунов, 2006. С. 98). Ко всему, в последнее время необычайно активизировалось научное направление, связанное с анализом проблематики терроризма с исключительно уголовно-правовых, криминологических подходов, что представлено в литературе, в том числе, и региональной, являющейся для нас ценным источником при написании данной работы. (Китаева, 2015.

С. 167–174; Кряжев, 2016. С. 35–39; Левченко, 2017. С. 104–110; Михайлов, Кряжев, 2016. С. 770–778; Моисеев, 2018. С. 132–136 и др.)

Но, естественно, основную «пищу для размышления» предоставили работы авторов, определивших целью своего исследования историю терроризма и противодействия ему в Российском государстве, что и будет показано дальше в тексте статьи.

Казалось бы, столь серьезное внимание к всестороннему рассмотрению всех аспектов террора и терроризма вселяет надежду на наличие согласованной терминологии и базовых подходов, но в научных и публицистических изданиях использовались и используются в «вольном» изложении понятия террор, терроризм, террористический акт, политическое убийство, политический терроризм (террор), революционный терроризм (террор)... И нет никакой уверенности, что если разные ученые упоминают, например, понятие «террор», они вкладывают в него синонимичное смысловое значение.

Поиски исторических корней, несомненно, связаны с определением хронологических рамок, в первую очередь, начальной точки какого-то события. Но параметры терроризма российского установить очень сложно. Подтверждение тому – не просто отсутствие единства, но наличие невероятно разнообразных выводов ученых по вопросу обозначения его стартовой черты.

Общепотребляемым стало высказывание о «глубине веков», демонстрирующих своими примерами террористические проявления. Полагаем, следует уточнить, какова же эта «глубина».

Позиция первая. 1015 год – убийство князей Бориса и Глеба. Так, В.Е. Петрищев конкретно указывал, что политический мотив физического устранения сыновей Великого киевского князя Влади-

мира Святославовича – это свидетельство первого террористического акта (Петрищев, 2001).

Прямо или косвенно данный вариант подтверждали и другие авторы (Гриб, 2005¹; Кошель, 1995; Капитонова, 2016. С. 18).

Позиция вторая. XIX век. Но это столетие исследователи буквально «растасили» практически по десятилетиям. Отправных пунктов несколько:

– 1825 год (14 декабря), когда первым серьезным, а главное, уже массовым преступлением террористической направленности, по мнению Е.С. Гугасари, стало восстание декабристов (Гугасари, 2013. С. 8);

– 1863 год, когда, как отмечал Дикаев С.У., Николай Ишутин создал свою «Организацию» (Дикаев, 2006);

– 1866 год (4 апреля) – провальная попытка Дмитрия Каракозова убить императора Александра II (одна из самых распространенных точек зрения) (Будницкий, 2004 а); Гогин, 2016. С. 69; Зернов, 2014. С. 4; Кокорин, 2011. С. 21. и др.);

– 70–80 годы. Здесь обозначается и точная дата – 24 января 1878 года. Это день, когда Вера Засулич стреляла в Санкт-Петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова (Бородин, 2001; Виногоров, 2010. С. 291; Медов, 2014. С. 28);

– конец XIX века, переход к началу века XX (Будницкий, 2004b; Рягин, Маринович, 2016. С. 35).

Позиция третья. XX век. О существовании подобной позиции упоминали и О.В. Будницкий (Будницкий, 2004b) и С.А. Кокорин (Кокорин, 2011. С. 20). Ее разделяла Е.А. Капитонова (Капитонова, 2016. С. 20).

¹ Гриб Н.Н. Криминологические аспекты противодействия терроризму в современной России : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 191 с. URL:<http://www.dslib.net/kriminal-pravo/kriminologicheskie-aspekty-protivodejstvija-terrorizmu-v-sovremennoj-rossii.html#968121> (дата обращения: 12.07.2018) / Grib N.N. Criminological aspects of countering terrorism in modern Russia: dis. ... Cand. Sci. (Legal). SPb., 2005, 191 p. (In Russ.). Available at:<http://www.dslib.net/kriminal-pravo/kriminologicheskie-aspekty-protivodejstvija-terrorizmu-v-sovremennoj-rossii.html#968121> (accessed 12.07.2018)

Мнение, что терроризм – это открытие XX века аргументировалось рядом факторов. В первую очередь, подчеркивалось, что именно данный век стал эпохой технического прогресса, позволившего в своем развитии массово внедрять высокие технологии во все сферы жизни: военный комплекс, атомная энергетика, новые возможности распространения и передачи данных, а следовательно, и влияния СМИ...

Ко всему, нужно упомянуть, что регулярно приводились примеры террора и терроризма, по мнению авторов, встречающиеся на протяжении всей истории страны – опричнина Ивана Грозного или революционный «красный» и «белый» террор.

Подобная ситуация не является случайной. Простая аналогия. Конкретный человек имеет свою дату рождения. Чтобы четко такой временной рубеж определить, необходимо представлять, о начале какого процесса идет речь. А именно в этом – проблема.

Соответственно, считаем необходимым пояснить, какое понятие террора и терроризма используется в данной работе.

Мы однозначно разделяем понятия «террор» и «терроризм». **Оцениваем их не с современной уголовно-правовой, а с историко-правовой, политологической точки зрения (выделено автором – А.Ш.).** Полагаем, что террор – это собственно давление со стороны государства, структур созданных им, поддерживаемых им, тех, кто в данный момент реально находится «у власти», тех, власть кого в данный момент установлена официально, то есть, позиция сильного. Терроризм – это насилие оппозиционных сил, противопоставляющих себя формальной власти, то есть противодействие слабого.

Одним из инструментов терроризма является террористический акт.

Собственно дефиниция «террористический акт» представлена в Федеральном законе «О противодействии терроризму» (п. 3 ст. 3) и Уголовном кодексе Российской Федерации (ст. 205).

Но буквально использовать ее для оценки исторических событий в нашей стране мы не считаем возможным. Иначе пришлось бы соглашаться с

высказыванием С.У. Дикаева, что террор, терроризм, террористический акт – такие же древние константы, как и человеческое общество (Дикаев, 2006).

Напротив, исторический подход требует объективности, соответственно, династическое убийство, политическое убийство, террористический акт, по сути своей, не всегда синонимы.

Разделение данных деяний, соответственно, свидетельствует о том, что регулярно приводимое в качестве примера первого террористического акта убийство князей Бориса и Глеба, нами так не классифицируется. Если смотреть на любые преступления насильственного характера, то в конкретной ситуации, можно выделить признаки терроризирования (терроризирование – устрашение, преследование, угроза насилия, расправы). И складывается впечатление, что некоторым исследователям данного факта уже достаточно для обобщающих выводов – однозначной оценки подобных действий как террористических.

Скорее, расправа над князьями – это династическое убийство, явившееся результатом междоусобной борьбы. Это дело внутрисемейное. Не было никакого «выхода» его на широкий социальный уровень, не планировалась «смена курса», не запугивались жители. Очень условно можно охарактеризовать этот случай как разновидность политического убийства.

Политическое убийство – это намеренное устранение лица, занимающегося государственной, общественной деятельностью, по политическим, идеологическим мотивам, из мести, состояния личной ненависти.

В центре политического убийства, так или иначе, стоит вопрос о власти (ее укреплении или смене).

Сам термин «политическое убийство» был широко распространен в радикальных общественных кругах Российской империи второй половины XIX века. В буквальном смысле слова оду политическому убийству «спел» Николай Морозов в 1872 году (член организации «Народная воля») в своей статье, недвусмысленно называющейся «Значение политических убийств» (Морозов).

Каждый абзац этого сочинения – отдельный пункт обоснования смысла политического убийства в революционной борьбе. Политическое убийство – это и «акт мести», и «средство самозащиты», и «лучший агитационный прием». Данные идеи уже являлись неотъемлемой частью теоретических постулатов народничества. Но Н. Морозов на констатации представленных тезисов не остановился. Он сформулировал положение о том, что политическое убийство – прекрасный «дестабилизатор» государственного механизма, способ вселять ужас в представителей официальной власти, всех врагов революции, самое действенное оружие против существующего режима. Апофеоз – вывод Н. Морозова: политическое убийство – один из основных путей борьбы с деспотизмом.

Историческая практика показала, что бывают ситуации, когда четко провести черту между политическим убийством и террористическим актом крайне затруднительно (иллюстрация – убийство П.А. Столыпина) (Терроризм и террористы: исторический справочник).

И здесь во многом первично обстоятельство субъективного характера, так как формулировать исследователь будет в зависимости от уровня своих знаний, мировоззренческих установок, политических предпочтений, научного чутья.

Возьмем элементарный пример. В дореволюционном прошлом Российского государства достаточное количество случаев физического устранения монархов: Иван VI, Петр III, Павел I, Александр II. Планировали убить Николая I (восстание декабристов), покушались на Александра III. Это однозначно эпизоды, связанные с насилием или угрозой его, и на этом, пожалуй, сходство заканчивается. Первые – результат династических убийств, не связанных с социальной борьбой. Цель – узурпация власти. Но задумываемое убийство Николая I впервые не касалось именно захвата престола. Здесь просматривалось уже наличие определенной сформулированной идеи, реализация которой связана с устранением конкретного главы государства. На наш взгляд – это «полноценное» политическое убийство. А вот публичная казнь Александра II – террористический акт.

И еще один момент. Ни организаторы, ни исполнители династических убийств в России официально не преследовались, наказанию не подвергались (иногда, даже, наоборот). Последствия политического убийства или террористического акта для широкого круга участников – однозначно поиск, поимка, кара (вплоть до смертной казни).

Следует объяснить, почему при серьезном внешнем сходстве, мы все-таки, делаем попытку разграничить политическое убийство и террористический акт.

Объект политического убийства – фигура «знаковая», широко известная в связи с занимаемым постом или положением в обществе. «Селекция» жертв для террористического акта шире. Помимо выше обозначенных лиц, мишень определялась, например, по признаку рода деятельности или принадлежности к органам управления. Здесь просто уместно вспомнить про убийства не только императора или министров внутренних дел, но и сотрудников жандармских управлений, полиции, пенитенциарной системы, губернаторов, местных чиновников, коими так известна Россия второй половины XIX, и, особенно, начала XX века.

Политическое убийство связано с возможностью получить необходимый эффект в результате именно инцидента убийства. Политическое убийство – это самоцель. Основная задача решалась одноактным действием, когда государственная, политическая, иная деятельность автоматически прекращалась в связи со смертью конкретного лица.

Замысел же террористического акта не однопорядковый. Здесь убийство ради последующего принуждения оставшихся отказаться от полноценного исполнения своих обязанностей, их запугивание. И диктат по отношению к противнику, связанный с требованиями выполнить определенные предложения. Многолетние попытки убийства Александра II завершились 1 марта 1881 года. «Народная воля» настоятельно рекомендовала Александру III воплотить созданные самой историей условия, «которые необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой». Среди них переоценка прежних «поли-

тических преступлений» в акты «гражданского долга», и, соответственно, полная амнистия. Сбор народного представительства с целью реформирования государственных и общественных основ в соответствии с волей народа. Формирование представительного органа на базе свободных выборов, при абсолютной свободе слова, печати, сходок, избирательных программ (Письмо народолюбцев Александру III от 10 марта 1881 года).

И еще. Физическое уничтожение «помазанника Божьего», фигуры для российского обывателя священной, не могло не напугать подданных империи, заставить их засомневаться в стабильности государственной системы, существующих общественных отношений. Состояние неуверенности в обществе – половина успеха в «расшатывании» государственных устоев.

Таким образом, собственно убийство в ходе террористического акта вторично. На первый план выходит ситуационный аспект – формирование атмосферы страха и целевой – воздействие на совершение (или отказ) от каких-либо действий.

Фоном политического убийства является некая таинственность и загадочность. Не всегда те, кто его совершил, стараются возвестить о своем «подвиге» окружающих.

Публичность – одно из основных тактических звеньев в деятельности террористов. Террористический акт в Российской империи стал столь обыденным во многом потому, что был этически оправдан не только радикальной, но и либеральной частью общества. Ко всему, именно широкая информированность населения, в первую очередь, через инструменты легальной и нелегальной печати, создала у части молодежи образ террориста – святого мученика за правое дело, что толкало совсем молодых еще юношей и девушек брать в руки револьвер. Эффективность террористических актов невероятно влияла на психологическое состояние российского общества. Складывалось впечатление об абсолютной плодотворности террористических действий в революционной борьбе.

Представленные выше определения позволяют приступить к определению «точки» отсчета российского терроризма. Естественно, это не первая

попытка периодизации терроризма с историко-правовых позиций.

Горбунов Ю.С. отмечал, что терроризм – это социально-политическое явление. Это явление, борьба с которым имела давние корни. Эволюция данной правовой квалификации прошла три этапа: царский, советский и постсоветский. Советский период, в свою очередь, Ю.С. Горбунов, подразделял на три ступени: первая связана с актами непосредственно послереволюционных лет; вторая – с Уголовными кодексами РСФСР 1922 и 1926 годов; третья – с Уголовным кодексом 1960 года (Горбунов, 2006. С. 99–100).

М.Ф. Мусаелян «отталкивался» от разделения истории терроризма в нашей стране на четыре базовых периода, с которыми, как он отмечал, прочно сообразована и история нашего уголовного законодательства:

– до 1866 года. Это проявления терроризма в ранний период существования российского государства и во времена Средневековья;

– 1866–1917 годы. Здесь отдельно выделялся терроризм в годы революционной ситуации (1879–1880), и собственно первой русской революции 1905–1907;

– 1917–1990 годы, как советский период выражения терроризма.

И, наконец, с 1990 года по настоящее время (периодизация представлена в статье 2009 года) наблюдается качественно иной период постсоветского терроризма масштабного характера (Мусаелян, 2009).

Без какой-либо корректировки этот вариант воспроизведен в 2013 году И.Д. Мальцаговым (Мальцагов, 2013).

Сомнение вызывает ряд утверждений. Во-первых, до 1922 года в нашем законодательстве даже собственно категория «террористический акт» (тем более, «терроризм») не была криминализована. Соответственно, отсутствовала правовая регламентация такого преступления, как терроризм. Чрезвычайное законодательство, изъятие из общего порядка уголовного судопроизводства определенных дел, в том числе и о преступлениях государственных, нельзя считать свидетельством

разработанности правовой квалификации терроризма. Следовательно, выделение царского периода несколько «провисает». Во-вторых, хотелось бы конкретизации «более раннего периода» террористических проявлений. Ранних насколько? Если присовокупить сюда спорность в российской медиевистике вопроса о хронологических рамках Средневековья, то правомерность обозначения данного периода выглядит слегка сомнительно. В-третьих, советский период завершается 1990 годом!? Советский Союз прекратил свое существование в декабре 1991 года. Советы, как органы народной власти, исчезли в ходе событий октября 1993 года. И опять больше вопросов, чем ответов.

Наверное, это произошло потому, что авторы четко не определили классификаторы, которые должны были лечь в основу предлагаемой периодизации.

Начальную точку терроризма в Российской империи мы ставим на рубеж 70–80-х годов XIX века, когда слились мировоззренческие, организационные, практические элементы терроризма. Основной его целью, являлось активное желание преобразовать политическую и экономическую основы государства. У И. Яковенко встречался интересный термин – «идеологически заданный, социальный терроризм» (Яковенко, 2005). Идея достижения «социальной справедливости» в рассматриваемый период была связана с разрушением (в буквальном смысле слова) государственной машины при помощи устранения ее представителей. Такой терроризм, как правило, называют революционным. Характеризовался он в данный период времени и специфическим составом участников террористических действий, которые, в основном, являлись выходцами из привилегированных слоев общества и разночинных кругов. Объекты революционного насилия персонифицировались по принципу личной ответственности за конкретные поступки. «Модным», морально обоснованным, был мотив мести. В нормативно-правовой базе формальное определение терроризма отсутствовало. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845 год), Уставе уголовного судопроизводства (1864 год), последующих отдельных актах про-

сма тривалась лишь правовая квалификация преступлений, подобных терроризму по внешним проявлениям.

С начала XX века (с 1905 года) наступила новая фаза развития революционного терроризма. Произошла его объективная модификация.

Начал проявлять активность национальный (этнический) терроризм. В начале века обострился антагонизм между «центром» империи и ее окраинами (Польша, Украина, Закавказье...), увеличилось количество межэтнических столкновений, выливающихся в бесчеловечные погромы, инициировалась работа ряда национальных партий неонароднического толка: Дашнакцутюн (армянский «Союз»), Партия социалистов-федералистов Грузии, Социалистическая еврейская рабочая партия... Появился принципиально новый вариант правого терроризма – черносотенный. Представители этого монархического движения отождествляли себя «со всем русским народом».

Иной по социальному положению стала фигура террориста. Идеи насилия «внедрились» в массовое сознание, распространились среди рабочих, мелких предпринимателей, крестьян... Морально-этические обоснования убийства потеряли актуальность. Упор в выборе жертв террористических актов трансформировался с личностного на профессиональный, политический или национальный. И самой яркой характерной чертой, можно назвать то, что феномен убийства стал будничным событием. Ко всему, террорист уникально помолодел. Появление детей и подростков в рядах террористов более всего стало заметно после начала первой русской революции 1905 года. Они встречались в кругу участников всех партий.

Иван Мызин, большевик с 1905 года, вспоминал, что на момент создания Симской (Урал) большевистской боевой дружины, членом которой являлся и он, в состав ее входили «юнцы», а возраст некоторых – 15 лет (Мызин, 1964. С. 3, 4). Анна Гейфман приводила данные о том, что среди террористов-эсеров примерно 22 % было очень молодо, от 15 до 19 лет. Симптоматичный пример – организация в городе Белостоке боевого отряда членов партии социалистов-революционеров, состоя-

щего из школьников (1905 год). Подростки шестнадцати лет присоединялись к максималистам. Еще чаще несовершеннолетние, в том числе и четырнадцатилетние, примыкали к анархистам. Совсем юные (15–16 лет) участники встречались и в рядах черносотенного движения (Гейфман, 1997).

Законодательство, в первую очередь, Уголовное уложение (1903 год), по-прежнему не использовало дефиниции «терроризм», «террористический акт», хотя правоохранительная деятельность, базирующаяся на активно вводимом чрезвычайном законодательстве, была нацелена на противодействие деяниям, напоминающим террористические.

С момента событий октября 1917 года существо терроризма кардинально изменилось. На фоне всей советской эпохи его нельзя однозначно классифицировать как массовое общественное явление. Подобная оценка применима к точкам, ограниченным временными и территориальными характеристиками.

Первая – террористические акты 1918–1919 годов на территории, оставшейся вне военного течения Гражданской войны и интервенции, то есть, в центральной России (остальное, в нашем случае, «красный» и «белый» террор). Вторая связана с окончанием Великой Отечественной войны (до начала 50-х годов) – это террористическая борьба националистов западных районов СССР.

В первом случае субъекты действий, как правило, анархисты и эсеры. Во втором – члены националистических организаций: ОУН, УПА (Западная Украина), «Лесные братья» и «Литовские партизаны» (Прибалтика).

В первом случае, объекты, как правило, персонифицированы (В. Володарский, М. Урицкий, граф Мирбах...). Во втором определялись по приверженности советской системе.

Третью точку, которую в многочисленных исследованиях «ставят» на эпохе правления И.В. Сталина (30-е годы, рубеж – 40-х – начало 50-х годов), мы не определяем. Во-первых, политика вождя – это политика государственного террора. Во-вторых, объективно, не имея всего комплекса документов, часть которых не доступна, разобраться в вопросе,

кто был истинный, а кто мнимый террорист невозможно.

Соответственно, за рамками вышеизложенных утверждений, для периода существования СССР были характерны единичные террористические акты, совершаемые конкретными людьми с целью оставить советское государство (захват воздушных судов) или уничтожить высших лиц государства. Встречались считанные случаи терроризма, продиктованного политическими (террористический акт в Архангельске 1 Мая 1970 года) или националистическими (январь 1977 года, действия «армянских взрывников») мотивами.

Организаций, преследующих политические цели и использующих террористические методы противодействия существующему режиму, не существовало.

Библиографический список

Бородин А.М. Терроризм и современность // Право и образование. 2001. № 3. С. 112–131. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9228514> (дата обращения: 7.06.2018)

Будницкий О. В. Кровь по совести: терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX века) // Отечественная история. 2004а. № 6. С. 203–209. URL: <http://ldn-knigi.lib.ru/R/TerrorRus.pdf> (дата обращения: 10.06.2018)

Будницкий О.В. Терроризм глазами историка. Идеология терроризма // Вопросы философии. 2004б. № 5. С. 3–19. URL: https://andrewrosdolsky.blogspot.com/2018/03/blog-post_38.html (дата обращения: 10.06.2018)

Виногоров Д.В. Истоки российского терроризма (XIX – начало XX века). Первые методы противодействия // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 29–293.

Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с. URL: <https://e-libra.ru/read/333632-revolucionnyy-terror-v-rossii-1894-1917.html> (дата обращения: 12.07.2018)

Гогин А.А. Правовые основы борьбы с терроризмом в дореволюционной России // Символ науки. 2016. № 12–3. С. 67–74.

Горбунов Ю.С. Уголовно-правовая квалификация терроризма: история, теория и практика // Журнал российского права. 2006. № 12 (120). С. 98–107.

Гугасари Е.С. У истоков формирования эффектив-

В отличие от предшествующих периодов, советское уголовное право регламентировало преступления террористического характера, развивая и уточняя (в зависимости от изменения обстановки в государстве) положения о самом понятии террористического акта, его составе, формах.

Окончание условно называемого «советским» периода мы определяем второй половиной 80-х годов. Полагаем, что «перестройка», «гласность», а затем и своеобразно воспринятое высказывание Б.Н. Ельцина, предлагавшего взять столько суверенитета, сколько возможно съесть начали те центробежные процессы, которые напрямую связаны со спецификой терроризма сегодняшнего дня. А это уже совсем иной предмет исследования.

References

Borodin A.M. Terrorism and modernity. *Pravo i obrazovanie* [Law and education], 2001, no. 3, pp. 112–131. (In Russ.). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9228514> (accessed 07.06.2018)

Budnitskii O. V. Blood on the conscience: terrorism in Russia (second half of XIX – early XX century). *Otechestvennaya istoriya* [National history], 2004a, no. 6, pp. 203–209. (In Russ.). Available at: <http://ldn-knigi.lib.ru/R/TerrorRus.pdf> (accessed 10.06.2018)

Budnitskii O.V. Terrorism through the eyes of a historian. Ideology of terrorism. *Voprosy filosofii* [Philosophy issues], 2004b, no. 5, pp. 3–19. (In Russ.). Available at: https://andrewrosdolsky.blogspot.com/2018/03/blog-post_38.html (accessed 10.06.2018)

Vinogorov D.V. The origins of Russian terrorism (XIX – early XX century). The first methods of counteraction. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2010, no. 4, pp. 29–293. (In Russ.).

Geifman A. Revolutionary terror in Russia. 1894–1917. Moscow: KRON-PRESS Publ., 1997, 448 p. (In Russ.). Available at: <https://e-libra.ru/read/333632-revolucionnyy-terror-v-rossii-1894-1917.html> (accessed 12.07.2018)

Gogin A.A. Legal framework for combating terrorism in pre-revolutionary Russia. *Simvol nauki* [Science symbol], 2016, no. 12–3, pp. 67–74. (In Russ.).

Gorbunov Yu.S. Criminal law qualification of terrorism: history, theory and practice. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2006, no. 12 (120), pp. 98–107. (In Russ.).

Gugasari E.S. At the origins of the formation of an ef-

ной системы противодействия антигосударственному терроризму в России (историко-правовое исследование) // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 5. С. 6–8.

Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 464 с. URL: https://fictionbook.ru/author/salman_dikaev/terror_terrorizm_i_prestupleniya_terrori/read_online.html? (дата обращения: 1.06.2018)

Зернов И.В., Карнишин В.Ю. Борьба с терроризмом в Российской империи в конце XIX – начале XX в.: историко-правовые аспекты внутренней политики // Вестник ПензГУ. 2014. № 4 (8). С. 2–6.

Капитонова Е.А. История развития правового регулирования ответственности за терроризм в России в дореволюционный и советский период // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 4 (40). С. 17–28.

Китаева В.Н. Проблемы формирования криминалистической характеристики преступлений террористической направленности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 2 (8). С. 167–174.

Кокорин С. А. Исторические предпосылки зарождения уголовных норм об ответственности за террористические акты в России в XIX в. // Бизнес в законе. 2011. № 1. С. 20–22.

Кошель П.А. История российского терроризма. М. : Голос, 1995. 376 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=269026&p=1>. (дата обращения: 18.09.2018)

Кряжев В.С. Взгляд на проблему борьбы с терроризмом и экстремизмом с учетом современных реалий // Российский следователь. 2016. № 2. С. 35–39.

Левченко И.В. Исламский радикализм и терроризм как угроза национальной безопасности РФ // Проблемы обеспечения национальной безопасности в контексте изменения геополитической ситуации: материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 28 апреля 2017 г. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. С. 104–110.

Мальцагов И.Д. Развитие уголовного законодательства об ответственности за терроризм в России // Закон и право. 2013. № 4. С. 68–72. URL: <http://naukarus.com/razvitie-ugolovnogo-zakonodatelstva-ob-otvetstvennosti-za-terrorizm-v-rossii-sovetskiy-period> (дата обращения: 21.05.2018)

Медов М.У. Терроризм: исторический путь и под-

fective system of countering anti-state terrorism in Russia (historical and legal research). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2013, no. 5, pp. 6–8. (In Russ.).

Dikaev S.U. Terror, terrorism and crimes of a terrorist nature. SPb.: Yurid. tsentr Press Publ., 2006, 464 p. (In Russ.). Available at: https://fictionbook.ru/author/salman_dikaev/terror_terrorizm_i_prestupleniya_terrori/read_online.html? (accessed 01.06.2018)

Zernov I.V., Karnishin V.Yu. The fight against terrorism in the Russian Empire in the late nineteenth – early twentieth century. : historical and legal aspects of domestic politics. *Vestnik PenzGU* [Bulletin of PenzSU], 2014, no. 4 (8), pp. 2–6. (In Russ.).

Kapitonova E.A. The history of the development of legal regulation of responsibility for terrorism in Russia in the pre-revolutionary and Soviet period. *Izvestiya VUZov. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* [University news. Volga region. Social Sciences], 2016, no. 4 (40), pp. 17–28. (In Russ.).

Kitaeva V.N. Problems of formation of the criminalistic characteristic of crimes of a terrorist orientation. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian criminal procedure and forensic readings], 2015, no. 2 (8), pp. 167–174. (In Russ.).

Kokorin S.A. The historical background of the emergence of criminal liability for acts of terrorism in Russia in the XIX century. *Biznes v zakone* [Business in law], 2011, no. 1. pp. 20–22. (In Russ.).

Koshel' P.A. The history of Russian terrorism. Moscow : Golos Publ., 1995, 376 p. (In Russ.). Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=269026&p=1>. (accessed 18.09.2018)

Kryazhev V.S. A look at the problem of combating terrorism and extremism, taking into account modern realities. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 2016, no. 2. pp. 35–39. (In Russ.).

Levchenko I.V. Islamic radicalism and terrorism as a threat to the national security of the Russian Federation. *Problemy obespecheniya natsional'noi bezopasnosti v kontekste izmeneniya geopoliticheskoi situatsii: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Irkutsk, 28 april 2017* [Problems of ensuring national security in the context of changing the geopolitical situation: materials of the Intern. scientific-practical conf.]. Irkutsk: Izd-vo BGU Publ., 2017, pp. 104–110. (In Russ.).

Mal'tsagov I.D. Development of criminal legislation on liability for terrorism in Russia. *Zakon i parvo* [Law and right], 2013, no. 4, pp. 68 – 72. (In Russ.). Available at : <http://naukarus.com/razvitie-ugolovnogo-zakonodatelstva-ob-otvetstvennosti-za-terrorizm-v-rossii-sovetskiy-period> (accessed 21.05.2018)

Medov M.U. Terrorism: the historical path and true

линая природа // Вестник экономической безопасности. 2014. № 3. С. 28–31.

Михайлов М.А., Кряжев В.С. Единообразие в определении круга преступлений террористической и экстремистской направленности – необходимая предпосылка эффективности методики их расследования // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 770–778.

Моисеев В.П. Антитеррористическая безопасность в структуре национальной безопасности России // Основные направления государственной политики России в сфере обеспечения национальной безопасности : материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 27 апреля 2018 г. / отв. ред. Е.М. Якимова. Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. С. 132–136.

Мусаелян М. Ф. Историко-правовой анализ уголовного законодательства об ответственности за терроризм в России (XI – начало XX в.) // История государства и права. 2009. № 13. С. 27–30. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/38496-istoriko-pravovoj-analiz-ugolovnogo-zakonodatelstva-otvetstvennosti-terrorizm> (дата обращения: 24.07.2018)

Мызин И.М. Со взведенным курком. М. : Молодая гвардия, 1964. 192 с.

Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 288 с. URL: <http://antiterrortoday.com/images/docs/zametki-o%20Petrishev.pdf> (дата обращения: 19.06.2018)

Рягин Ю.И., Маринович А.Н. Новые формы современного терроризма как вызов стабильности мирового сообщества // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 12. С. 35–39.

Яковенко И. Терроризм // Нева. 2005. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2005/12/ia11.html> (дата обращения: 10.06.2018)

Сведения об авторе

Шободоева Анна Владимировна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: AnnaV.59@mail.ru

Критерии авторства

Шободоева А.В. подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторское право и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

nature. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Economic Security Bulletin], 2014, no. 3, pp. 28–31. (In Russ.).

Mikhailov M.A., Kryazhev V.S. Uniformity in determining the range of crimes of a terrorist and extremist nature is a necessary prerequisite for the effectiveness of their investigation methods. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian Journal of Criminology], 2016, vol. 10. no. 4, pp. 770–778. (In Russ.).

Moiseev V.P. Antiterrorist security in the structure of the national security of Russia. *Osnovnye napravleniya gosudarstvennoi politiki Rossii v sfere obespecheniya natsional'noi bezopasnosti : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Irkutsk, 27 aprelya 2018 g.* [The main directions of the state policy of Russia in the field of national security]. Irkutsk : BGU Publ., 2018, pp. 132–136. (In Russ.).

Musaelyan M.F. Historical and legal analysis of criminal legislation on liability for terrorism in Russia (XI – beginning of XX century). *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 2009, no. 13, pp. 27–30. (In Russ.). Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/38496-istoriko-pravovoj-analiz-ugolovnogo-zakonodatelstva-otvetstvennosti-terrorizm> (accessed 24.07.2018)

Myzin I.M. *So vzvedennym kurkom* [Cocked]. Moscow: Molodaya gvardiya publ., 1964, 192 p. (In Russ.).

Petrishchev V.E. Notes on terrorism. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001, 288 p. (In Russ.). Available at: <http://antiterrortoday.com/images/docs/zametki-o%20Petrishev.pdf> (accessed 19.06.2018)

Ryagin Yu.I., Marinovich A.N. New forms of modern terrorism as a challenge to the stability of the world community. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law], 2016, no. 12, pp. 35–39. (In Russ.).

Yakovenko I. Terrorism. *Neva* [Neva], 2005, no. 12. (In Russ.). Available at: <http://magazines.russ.ru/neva/2005/12/ia11.html> (accessed 10.06.2018)

Information about the author

Anna V. Shobodoeva,

Cand. Sci. (History), associate professor of legal support of national security, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: AnnaV.59@mail.ru

Attribution criteria

Shobodoeva A.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.